

Maria A. Bobunova
Alexander T. Khrolenko
Kursk State University, Kursk, Russia

Proper Names in Oral Poetic Tradition in the Light of Folklore Lexicography

Voprosy onomastiki, 2021, Vol. 18, Issue 1, pp. 85–112
DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.003

Language of the article: Russian

Бобунова Мария Александровна
Хроленко Александр Тимофеевич
Курский государственный университет, Курск, Россия

Народно-поэтическая ономастика в аспекте фольклорной лексикографии

Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 85–112
DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.003

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.003
УДК 81'286 + 81'374.24 + 82-14:398.8

М. А. Бобунова
А. Т. Хроленко

Курский государственный университет
Курск, Россия

НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА В АСПЕКТЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Авторы статьи на примере трех эпизодов показывают результативность использования методов фольклорной лексикографии для изучения ономастических элементов в языке разных жанров фольклора. Новизна и результативность работы обеспечены оригинальным — лексикографическим — подходом к решению вопросов народно-поэтического языка, часть которых уже обсуждалась в отечественной филологической науке. Базой исследования служат лексикографические проекты курских лингвофольклористов — словарь былинной лексики и конкордансы необрядовых лирических песен различных территорий России. Основной исследовательский прием — аппликация (сопоставление) словарных статей. Статья состоит из трех очерков. Первый посвящен гидрониму *Дунай* — важному элементу народно-поэтической картины мира. Основное внимание уделено функционированию песенного топонима в необрядовой лирике XIX столетия. Продемонстрированы различия в смысловом содержании топонима в зависимости от места его бытования. Во втором очерке показано, что фольклорная лексикография позволяет считать многообразие личных имен в текстах народной лирики своеобразным арсеналом средств вербализации эмоционального опыта этноса. Отмечается своеобразие антропонимикона в территориальном и гендерном аспектах. В третьем очерке говорится о семантике, функциональных особенностях и словообразовательном потенциале экзотических топонимов. На материале былинных текстов показано, как трансформируются в лексиконе отдельных сказителей заимствованные слова. Благодаря лексикографическому портретированию фольклорной лексики увеличиваются возможности эвристики лингвофольклористического подхода к решению проблем фольклорной семантики, морфемики, жанровой и территориальной дифференцированности народно-поэтического языка. Делается вывод, что фольклорная

© Бобунова М. А., Хроленко А. Т., 2021

лексикография способна поставить интересные исследовательские вопросы в области ономастики и предложить возможные ответы на них.

Ключевые слова: язык фольклора, лингвофольклористика, фольклорная лексикография, конкорданс, ономастика, топонимы, антропонимы.

Введение

С самого начала обращения к текстам народной словесности ученые отмечали в них большое количество имен собственных. Первым на это обстоятельство обратил внимание Ф. И. Буслаев в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» [Буслаев, 1861]. Сказитель, как писал выдающийся филолог, «любит каждое лицо в своей сказке наделять собственным именем», а «народная поговорка умеет олицетворять свои сатирические намеки во всевозможных собственных именах» [Там же, 183]. Эта особенность не является исключительным свойством фольклора, она принадлежит всему языку, для которого характерно эпическое стремление «к индивидуальности в изображении». Имя собственное используется «для живости повествования» [Там же]. Рассуждая об онимах, Ф. И. Буслаев делает вывод: «Образование собственных имен народов составляет один из важнейших предметов в истории языка...» [Там же].

Поэтому совершенно не случаен повышенный интерес исследователей к онимам в фольклорных текстах [см., например: Доровских, 1980; Кондратьева, 1967; Митропольская, 1964; Морозова, 1977; Терещенко, 2016; и др.]. Вносят свою лепту в изучение фольклорных собственных имен и курские лингвофольклористы.

В 1988 г. была опубликована статья «Из наблюдений над природой имени собственного в фольклорном тексте» [Хроленко, 1988]. Исходя из того, что имена собственные в русской народно-песенной речи к тому времени детально рассмотрению еще не подвергались, мы поделились наблюдениями над особенностями их семантической структуры и функционирования в текстах лирических песен. Было показано, как имена собственные трансформируются в сторону обобщения, обращено внимание на связь онимов с особенностями поэтической строки.

В 2001 г. Р. В. Головина защитила кандидатскую диссертацию на тему «Антропонимы в русской народной лирической песне» [Головина, 2001]. Целью работы было установить состав и специфику функционирования антропонимов в русской народной лирике. Решалось несколько задач: составить словники антропонимов и охарактеризовать их в количественном и качественном отношении, выявить причины высокой частотности некоторых антропонимических единиц, классифицировать антропонимы, выявить территориальные особенности фольклорных антропонимов Курского региона на фоне других территорий.

Исследователи фольклорного ономастикона не раз обращали внимание на особенности использования имен собственных в разных фольклорных жанрах

народно-песенной речи и говорили «о возможности выделения данного направления ономастики художественных текстов в отдельную и особую научную дисциплину — фольклорную ономастику» [Казакова, 2002, 20].

Интерес к фольклорным онимам не ослабевает и в настоящее время, причем ученые, используя разные методики, «прибегают к синтезу научных парадигм, интерпретируя имя в фольклоре с позиции лингвистики, фольклористики, социологии, культурологии и т. д.» [Токмашев, 2011, 181].

Реализация курскими лингвофольклористами разных лексикографических проектов обеспечила необходимый эмпирический материал для постановки и решения вопросов фольклорной ономастики в аспекте фольклорной лексикографии. Об этом и пойдет речь в данной статье.

Базой настоящего исследования былинного материала служит словарь языка онежских былин [Бобунова, Хроленко, 2006], а народно-песенного — печатные конкордансы к курским, архангельским, олонечким и сибирским песням [Бобунова, Хроленко, 2007; 2008; 2009; 2010]. Источниками данных словарей стали «Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года» [Гильф.] и свод «Великорусские народные песни» [Соб.]. Кроме того, привлекались материалы конкорданса песен Кубани [Литус, 2007] и подготовленных нами электронных конкордансов необрядовой лирики Вятской, Вологодской, Пермской, Казанской, Саратовской и Самарской губерний.

Рассмотрим ряд топонимов и антропонимов в аспекте фольклорной лексикографии.

Дунай и дунаи

Топоним *Дунай* имеет не только научную и языковую историю, но и историю фольклорную. Диалектологов и собирателей устного народного творчества интересовали неожиданные для данного географического термина случаи его функционирования.

На землях славян заметно обилие *Дунаев*. В бассейне Вислы четыре *Дуная*. Много *Дунаев*, *Дунайцев* и *Дунайчиков* в водосборе Днепра. Диалектологи отмечают, что *Дунаями* именуются в основном мелкие местные водные объекты — речушки, ручьи, болотца. Так, преподаватели Курского госпединститута, собиравшие в 1960-е гг. народные песни, записали текст со строчками: «Ой, прилетели к нам на Дунай / Шесть селезней». Собиратели оставили комментарий: «*Дунай* — название ручья в д. Бирюковка Большесолдатского р-на» [Курск, 1962]. Замечено также, что лексема *Дунай* в восточнославянском фольклоре встречается гораздо чаще, чем наименования рек *Волга* или *Днепр*, казалось бы, гораздо более близких и важных для восточных славян. Неслучайно топоним *Дунай* в диалектном и этнолингвистическом аспектах описан в ряде специальных публикаций [см., например: Мачинский, 1981; Петрухин, 1999].

Фольклорная история этого топонима началась с наблюдения Ф. И. Буслаева: «*Дунай*, кроме собственного имени, имеет нарицательное значение всякой реки и потому употребляется во множественном числе *Дунаи*: за реками за Дунаеми (как тавтологическое выражение)» [Буслаев, 1861, 183].

История требует дальнейшей разработки, результативность которой зависит и от активного использования технологий фольклорной лексикографии. Сразу же отметим, что гидроним *Дунай* зафиксирован во всех наших лексикографических проектах — конкордансах и словаре былинной лексики — и по сути является топонимом виртуальным, элементом народно-поэтической картины мира. Обратимся к конкордансам русской народной лирики (о структуре конкорданса см. [Бобунова, 2016]). В 76 народно-песенных контекстах проступает своеобразный портрет исследуемого географического обозначения.

Историко-лингвистические истоки наименования *Дунай* разные жанры видят по-разному. Былины связывают происхождение реки с трагической судьбой былинного героя *Дуная*:

Где пала Дунаева головушка,
Протекала речка *Дунай*-река

[Гильф., 2, № 94]

От Дунаевой крови и Настасьиной крови
Протекло тут две реки:
Дунай река и Настасья река

[Гильф., 2, № 108]

Народная лирика подает появление этого объекта лирического пейзажа как результат естественного события, хотя порой гидрографически весьма спорного:

Дунай речушка из озера течет,
Из озера из Астрахани,
Из другаго из Архангельскаго

(Вятка) [Соб., 6, № 536]

Дунай — полноправный элемент поэтики народного творчества. Он связан с традиционной символикой из мира флоры и фауны:

Стоит верба над водой,
Над *Дунаем* над рекой
(Вятка) [Соб., 4, № 90]

Не стой, верба, над водой,
Над *Дунаем* над рекой!
(Казань) [Соб., 4, № 88]

Пойду я, младшенька,
Вниз по *Дунаю*,
Как белая рыбинка,
Разгуляю
(Вологда) [Соб., 3, № 455]

На *Дунай*-то на быстрой реке
Как сидели гуси серые
(Олонец) [Соб., 3, № 58]

Я сама к милому загуляю,
Что серую утушкой по *Дунаю*
(Курск) [Соб., 5, № 396]

Поплови, попови, утя,
По тиху *Дунаю*
(Сибирь) [Соб., 2, № 186]

В русском народно-песенном мире есть два наиболее популярных топоса, которые влекут героиню, — сад и река. Это своеобразные центры эмоциональной жизни лирического персонажа. Именно река — это почти обязательный элемент народно-песенного ландшафта, знак упорядоченности, постоянства движения. Лирическая героиня стремится к реке, чтобы привести в порядок свое душевное состояние:

Выходила на *Дунай* быстру реку
(Вологда) [Соб., 2, № 208]

Выходила же на *Дунай-реку*
(Пермь) [Соб., 2, № 206]

Я пришла ко той *Дунай-реке*
(Олонец) [Соб., 3, № 58]

Пойду с горя на *Дунай реку*
(Сибирь) [Соб., 5, № 196]

Не исключены поводы и весьма радикальные:

На *Дунае* утоплюся,
Во садочке удавлюся
(Сибирь) [Соб., 5, № 196]

По сюжету выход персонажа на Дунай предопределен двумя основными мотивами.

1. Мотив «пойти по воду»:

Посылают меня, молоду,
 Ко *Дунай* ко речке по воду
 (Олонец) [Соб., 3, № 58]

Сюжетно этот мотив связан со следующими обстоятельствами:

Забажел милой ключевой воды,
 Ключевой воды со *Дунай-реки*
 (Вологда) [Соб., 3, № 154]

Пожелал милый со леды воды,
 Со леды воды, со *Дунай-реки*
 (Казань) [Соб., 3, № 153]

Пожелай, душа, со ледом воды,
 Со *Дунай* реки, реки быстрья,
 Омутистья!
 (Пермь) [Соб., 5, № 710]

2. Мотив «поить коня»:

За собою вела добраго коня
 За шелковые за новы повода,
 На *Дунай-реку* водой поить
 (Сибирь) [Соб., 5, № 775]

Ты не ходи, мой конь, на *Дунай* реку,
 Ты не пей, мой конь, из ручья воды!
 (Саратов) [Соб., 2, № 218]

Фольклорная картина мира включает в себя идею границы, которая подразумевает наличие объектов, разделяющих и противопоставляющих «свое» и «чужое». Обычно это чистое поле, темный лес или «синё морё». Что касается анализируемых нами народно-песенных текстов, то фольклорный *Дунай* такой границей «своего» и «чужого» фактически не является. Он скорее некая черта, проходящая через территорию «своего». Этот рубеж объясняет достаточно частотный мотив перехода, переезда через водную преграду. В одних случаях для преодоления этой преграды достаточно использования любого подручного средства самим лирическим персонажем:

Переберу я *Дунай-реку*
 Одною тынинкою¹,
 Да серебряною ниткою
 (Курск) [Соб., 4, № 108]

¹ Ср. курск., ростов., яросл. *перебирать* 'перегораживать' [СРНГ, 26, 27], курск., ряз., пск., влг., печор., арх., вят., перм. и др. *тынинка* 'бревно, кол, используемое для тына (ограды, забора)' [Там же, 45, 327].

Через *Дунай реченьку*
Положу я лавинку²,
Проведу сударушку
На свою сторонушку
(Вологда) [Соб., 3, № 514]

Желающие попасть на ту сторону могут взывать к перевозчику:

Выходила на *Дунай реку*:
Она кличет перевозчика к себе:
«Первощик, первощик молодой,
Перевезь меня скорешенько домой»
(Пермь) [Соб., 2, № 213]

Возникает вопрос, почему персонажи песни хотят оказаться за Дунаем.

Ушел мой миленький за *Дунай* гулять,
За *Дунай* за речушку, вином торговать
(Пермь) [Соб., 5, № 168]

Приходила ко мне тайная подружка,
Золото резно колечко украла;
За *Дунай* речку закопала,
Правой ноженькой затоптала,
Левой рученькой притрепала
(Пермь) [Соб., 2, № 278]

Будучи устойчивым элементом фольклорного мира, *Дунай* имеет свои признаки. Приведенные выше примеры показывают, что оним *Дунай* чаще всего характеризуется прилагательным *быстрый*, обретающим статус постоянного эпитета. Русская лирическая песня акцентирует внимание на движении воды в реке. Причем движение по большей части оценивается как быстрое даже в условиях почти повсеместной равнинности реальной местности. Скорость (*быстрый*) в этом случае воспринимается не столько как свойство, присущее конкретной реке, сколько как итог размышлений над временем. Река в русских фольклорных текстах — символ времени, и потому в эпических текстах достаточно часто используется развернутая формула времени, неперменной строкой которой является следующая:

Год-тот за годом да как река бежит
(Гильф., 1, № 5)

Возможно, что в семантике слова *Дунай* присутствует потенциальная сема «скорость», которая может проявиться в словообразовательном процессе. Так,

²Ср. череп., новг., влг., яросл. *лавинка* 'пешеходный мостик; мостики' [СРНГ, 16, 220].

на Урале диалектологи зафиксировали наречное образование *дунáй-дунаем* ‘о быстрорастущей, буйной растительности’ [СРНГ, 8, 257].

Прилагательное *тихий*, содержащее сему «величавость» (ср. *Тихий Дон*), не успело стать частотным эпитетом:

Подле *тихаго Дуная*
Одна паньюшка гуляла
(Сибирь) [Соб., 2, № 13]

Обратим внимание на песню, записанную в Пермской губернии, где *Дунай* сначала характеризуется как *тихий*, а потом как *быстрый*:

Хожу, млада, по *Дунаю*, ой, по *Дунаю*,
Хожу, млада, по *тихому*, ой, по *тихому*
<...>
Хожу, млада, по *Дунаю*, ой, по *Дунаю*,
Хожу, млада, по *быстрому*, ой, по *быстрому*
[Соб., 2, № 376]

Прилагательное *дунайский* входит в окказиональный квазигеографический топоним *Дунайское море*:

Из-за тихого *Дунайского моря*
Прилетала малая птица
[Соб., 1, № 499, 498]

Оба примера зафиксированы в Олонецкой губернии. В онежских былинах аналогичное:

Из-за того острова Кадольского,
из-за того ли *моря Дунайского*,
Выходило-выбегало тридцать кораблей
[Гильф., 1, № 68]

Восприятие *Дуная* как большого водного пространства в олонецком фольклоре проявляется и в возможности его сочетания с глаголом *сколебаться* ‘фольк. закачаться, заколебаться; взволноваться’ [СРНГ, 38, 55], который описывает прежде всего море:

Дунай-речка сколебалася,
В реке рыба разыгралася
[Соб., 5, № 47]

Широкое использование диминутивных форм — яркая особенность русского языка. В наших лексикографических материалах зафиксированы диминутивные формы топонима *Дунай*. Это, например, *Дунайка*:

Еще там, за рекой,
За *Дунайкой* широкой,
Молодец сено косит,
Девушка воду носит

(Пермь) [Соб., 3, № 392]

и даже *Дуночка* (Вологда):

Там на *Дуночке*,
Здесь на бережочке,
Стоит сосна,
Сосна зеленая

(Вологда) [Соб., 3, № 455]

Русская река очень часто воспринимается как субъект действия: она *бежит*, *течет*, *протекает*, *плывет*, *шумит-гремит*, *разливается* и т. д. Субъектность *Дуная* предопределена эмоциональной связью персонажа с рекой. Проявлением субъектности можно считать попытку персонажа наладить диалог с рекой. Единицами этого диалога могут быть и слова, и предметы (цветы).

Цветы на воде — элемент ритуалов во многих народных культурах. Однако в нашем случае практически нет описания традиционного действия. Брошенные в воду растения или пущенные по течению венки, сопровождающиеся вопросами гадательного свойства и пожеланиями персонажа, — это попытка установить контакт:

Со льну цветы сорывал,
В *Дунай* речку побросал,
В *Дунай* речку побросал,
Дунай речке наказал:
«*Дунай* речка, не прймай,
Ко бережку прибивай,
Ко бережку крутому,
Ко маиорову двору!

(Вологда) [Соб., 3, № 473]

Однако:

Дунай речка не берет,
Ко бережку цветы жмет,
Ко бережку, ко ярку,
Ко желтому ко песку,
Ко матушке ко горе

(Пермь) [Соб., 3, № 47]

Дунай речка не примат,
 Ко бережку прибиват
 (Архангельск) [Соб., 3, № 475]

Здесь важно то, что движение персонажа и движение воды пересекаются. Момент пересечения — центральный и финальный момент эмоционального контакта. Это способ преодоления эмоционального напряжения лирических героев.

История территории, на которой были записаны песни, может отразиться на семантике и функционировании народно-песенных топонимов. Обратимся к конкордансу народных песен Кубани [Литус, 2007, 83]:

Дунай 13. Тихо катит волны Старый друг *Дунай* <К., 8, 6, 347>; С Богом, дети, хоть широкий Переплыть вам лишь *Дунай*, А затем уж недалеко Цареград — и наших знай <Б. 2, 21>; А теперь мы за *Дунаем* <Б. 2, 22>; Русский Белый царь желал Гордых турок наказать, Избрал брата Николая За *Дунаем* воевать <Б. 2, 22>; ... Войско заняло *Дунай* <Б. 2, 22>; А хозяин мой За *Дунаем*, за рекой, За *Дунаем*, за рекой Оженился на другой <Б. 2, 65>; За *Дунаем* за рекой Оженился на другой, Пуля быстрая женила, Шашка острая венчала <Б. 2, 65>; А хозяин мой За *Дунаем*, за рекой <Б. 2, 65>; Тихо катит волны Старый друг *Дунай*... <Б. 2, 72>; За *Дунаем* полотно белила, Там и свой веночек загубила <Б. 2, 126>; Ой, возле речки да возле гаю, Возле тихого *Дунаю*, Ой, ли, Ой, да люли, Возле тихого *Дунаю* <Б. 2, 222>;

Дунай-река 1. Строй за строем все подходят К басурманской стороне, Батарей все разводят На большой *Дунай-реке* <Б. 2, 19>;

Дунай-реченька 1. Их остатки потопилися, Во глубокой *Дунай-реченьке* <Б. 2, 34>.

Как видно из словарных статей, *Дунай* в восприятии линейных казаков Кубани в целом весьма отличается от Дуная в языковой картине мира крестьян Центральной России. В фольклоре населения этнической периферии в топониме доминирует сема «рубеж, граница, место финального сражения». Кстати, вспомним оперу С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Поскольку казачье войско Кубани включало в себя и переселенных Екатериной Великой казаков Украины, можно предполагать иноэтническое влияние на фольклор Кубани как нового региона России.

Пример с топонимом *Дунай* демонстрирует проявление в фольклорно-языковой практике особого свойства слова — способности аккумулировать культурные смыслы. Язык в принципе — это не только средство передачи информации, не только инструмент мысли, но и накопитель культуры. Вспоминается хрестоматийная строка А. С. Пушкина: «Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось...». Широко известен афоризм Евг. Евтушенко: «Поэт в России больше, чем поэт». Этой крылатой фразе предшествовала строка

поэта, написанная восемью годами ранее: «Но Волга для России — это гораздо больше, чем река». Ключевые слова здесь — «больше, чем». Это и есть указание на аккумулятивность как фундаментальное свойство слова естественного языка, благодаря которому возникло перспективное научное направление — лингвокультурология. «Больше, чем» применительно к топонимам — объект еще одного исследовательского направления — гуманитарной географии [Хроленко, 2015, 229]. Наши лексикографические материалы позволяют утверждать, что *Дунай* в языке русского фольклора гораздо больше, чем *Дунай* в справочниках по топонимии.

Антропонимы в народной лирике

Словари народно-песенной речи позволяют ответить на вопрос, каково место антропонимов в фольклорных текстах вообще и на каждой территории в отдельности. В данном параграфе ограничимся материалами двух конкордансов необрядовой лирики Курской и Архангельской губерний [Бобунова, Хроленко, 2007; 2008]. Наш выбор обусловлен в целом сопоставимым объемом анализируемого материала (190 и 183 необрядовых лирических песни соответственно).

При составлении словников за пределами рассмотрения остались имена святых, отраженные в названиях религиозных праздников (*Ильин день*, *Петров день*) и постов (*Петрово / Петровское говенье*), например:

Ко *Петрову* дни не буду,
К *Ильину* дни подожди!
[Соб., 4, № 216]

Не нападывай, пороша, на талую землю,
Что на талую на землю в *Петрово* говенье,
Что в *Петровое* говенье, в перво воскресенье!
[Соб., 4, № 379]

Также не учитывались притяжательные прилагательные *Авдотьюшкин*, *Ванюшкин*, *Макаров*, *Сашин* (Архангельск); *Евлашкин*, *Натальин* (Курск):

Екнуло сердечушко *Авдотьюшкино*
[Соб., 3, № 499]

У *Евлашкином* саду
Сидят пташки на кусту
[Соб., 4, № 599]

В таблице 1 представлены алфавитные списки личных имен, отчеств и фамилий с указанием частотности каждого антропонима.

Таблица 1

**Антропонимы в конкордансах необрядовой лирики
Курской и Архангельской губерний**

Архангельская губерния	Курская губерния
Личные имена	
<i>Авдотьюшка</i> 2	<i>Авдотьюшка</i> 4
<i>Авдотья</i> 2	<i>Авдотья</i> 2
<i>Александр</i> 1	<i>Акулина</i> 1
<i>Александра</i> 1	<i>Акулинушка</i> 1
<i>Алексей</i> 4	<i>Алгеньюшка</i> 2
<i>Алексеюшка</i> 2	<i>Александрюшка</i> 7
<i>Алешенька</i> 3	<i>Алексей</i> 1
<i>Аннушка</i> 2	<i>Алексеюшка</i> 4
<i>Ванька</i> 2	<i>Аленушка</i> 1
<i>Ванюша</i> 15	<i>Андреюшка</i> 1
<i>Ванюша-Ваня</i> 1	<i>Анисья</i> 1
<i>Ванюшенька</i> 1	<i>Анна</i> 1
<i>Ванюшка</i> 6	<i>Анна-свет</i> 5
<i>Ваня</i> 17	<i>Аннушка</i> 8
<i>Василий</i> 2	<i>Анюта</i> 1
<i>Василь</i> 3	<i>Анюшенька</i> 1
<i>Васильчечек</i> 1	<i>Афросиньюшка</i> 1
<i>Васильюшка</i> 1	<i>Ванька</i> 3
<i>Вася</i> 3	<i>Ванюшка</i> 1
<i>Гриша</i> 1	<i>Ваня</i> 4
<i>Гришка</i> 1	<i>Василий</i> 3
<i>Дарьюшка</i> 4	<i>Васильюшка</i> 4
<i>Дарья</i> 4	<i>Данилушка</i> 2
<i>Дунюша</i> 2	<i>Дарьюшка</i> 1
<i>Дунюшенька</i> 1	<i>Дарья</i> 2
<i>Дунюшка</i> 6	<i>Донюшка</i> 3
<i>Дуня</i> 4	<i>Доня</i> 6
<i>Дуняша</i> 2	<i>Дуняша</i> 1
<i>Дуняшенька</i> 2	<i>Егор</i> 1
<i>Иванушка</i> 8	<i>Елена-свет</i> 3
<i>Катенька</i> 1	<i>Ермил</i> 1
<i>Катюша</i> 3	<i>Ермилушка</i> 1
<i>Катюшечка</i> 1	<i>Ермолай</i> 2
<i>Катя</i> 2	<i>Иван</i> 10
<i>Маши</i> 11	<i>Иванушка</i> 13
<i>Машенька</i> 8	<i>Иванюша</i> 4
<i>Михайла</i> 1	<i>Иванюшечка</i> 1
<i>Миша</i> 1	<i>Ивашка</i> 2
<i>Мишка</i> 1	<i>Игнатий</i> 3
<i>Павлушенька</i> 2	<i>Игнатьюшка</i> 1

Продолжение табл. 1

Архангельская губерния	Курская губерния
<i>Параня</i> 5 <i>Парасковья</i> 3 <i>Парашиа</i> 2 <i>Пашенька</i> 1 <i>Саша</i> 12 <i>Сашенька</i> 11 <i>свет-Дуняша</i> 1 <i>Сенька</i> 1 <i>Танюша</i> 2 <i>Таня</i> 1 <i>Татьяна</i> 1 <i>Татьянушка</i> 1 <i>Ульяна</i> 2 <i>Ульянушка</i> 2 <i>Федор</i> 2 <i>Федька</i> 1 <i>Яшенька</i> 2 <i>Яшка</i> 1	<i>Катерина</i> 3 <i>Катеринушка</i> 2 <i>Катюшечка</i> 1 <i>Катюшка</i> 2 <i>Марья</i> 1 <i>Марьюшка</i> 8 <i>Марья</i> 8 <i>Матрена</i> 1 <i>Маша</i> 2 <i>Машечка</i> 1 <i>Михайлушка</i> 2 <i>Настасья</i> 2 <i>Натальюшка</i> 3 <i>Наталья</i> 2 <i>Наталья-свет</i> 1 <i>Наташка</i> 1 <i>Николаюшка</i> 1 <i>Ольгушка</i> 1 <i>Петр</i> 3 <i>Прасковья</i> 1 <i>Семенушка</i> 2 <i>Сенька</i> 3 <i>Сергеюшка</i> 2 <i>Софьюшка</i> 2 <i>Софьюшка</i> 3 <i>Степан</i> 4 <i>Христюшка</i> 2 <i>Яшка</i> 3
Отчества	
<i>Васильевна</i> 2 <i>Иванович</i> 1 <i>Матвеевна</i> 2 <i>Петрович</i> 1 <i>Яковлевич</i> 1	<i>Александрович</i> 1 <i>Алексеевич</i> 1 <i>Андреевич</i> 1 <i>Андреянович</i> 1 <i>Анисимович</i> 2 <i>Анисимовна</i> 1 <i>Борисович</i> 1 <i>Васильевна</i> 8 <i>Даниловна</i> 1 <i>Дмитревна</i> 1 <i>Егорович</i> 2 <i>Егоровна</i> 1 <i>Ефимович</i> 1

Окончание табл. 1

Архангельская губерния	Курская губерния
	<i>Иванович</i> 9 <i>Ивановна</i> 10 <i>Константиновна</i> 2 <i>Лукич</i> 2 <i>Матвеевич</i> 1 <i>Михайлович</i> 1 <i>Панкратьевич</i> 1 <i>Пантелеевич</i> 1 <i>Парфенович</i> 2 <i>Петреевич</i> 2 <i>Петрович</i> 3 <i>Петровна</i> 2 <i>Семенович</i> 2 <i>Степанович</i> 3 <i>Стефанович</i> 1
Фамилии	
<i>Кузнецов</i> 1 <i>Пельков</i> 2 <i>Шинков</i> 1	

Таблица наглядно показывает, что в необрядовой лирике активно используются мужские и женские личные имена, причем фиксируются разные варианты одного имени. В обоих списках наличествуют имена официальные, включая канонические, и имена «домашние», семейно-бытовые, представленные гипокористиками. Например, *Татьяна* и *Таня*, *Татьянушка*; *Наталья* и *Наташка*, *Натальюшка*.

Хотя в курских песнях выявлено немного больше личных имен, чем в архангельских, количество их словоупотреблений практически одинаково. Ср.: 58 имен (186)³ в архангельском фольклоре и 68 (181) — в курском. Это обусловлено большим числом высокочастотных антропонимов в архангельских песнях, среди которых *Ваня* (17), *Ванюша* (15), *Саша* (12), *Сашенька* (11), *Маша* (11). В курском фольклоре самыми частотными личными именами оказались *Иванушка* (13) и *Иван* (10).

Что касается гендерного аспекта функционирования антропонимов в народной песне, то различий по территориям практически не наблюдается. В архангельских песнях мужских имен 27 (84), женских — 31 (102). В курских песнях мужских имен 29 (89), женских — 39 (92).

³ Здесь и далее первое число обозначает количество имен, второе (в скобках) — количество их употреблений.

Очень показательна подгруппа «Отчества». Как оказалось, в курских песнях их почти в шесть раз больше, чем в архангельских (28 единиц против 5), причем среди антропонимов данного ряда есть и частотные: *Ивановна* (10), *Иванович* (9), *Васильевна* (8):

Вот Марьюшка у воротичках стоит,
Ивановна во широких столбовых
[Соб., 4, № 510]

Василий-ет холост ходит,
Иванович неженатый
[Соб., 3, № 266]

У нас Аннушка игреливая,
В нас *Васильевна* и шутливая
[Соб., 2, № 22]

Что касается фамилий, то их нет в курских песнях, а в архангельских фиксируются лишь три фамилии — *Кузнецов*, *Пельков*, *Шинков*:

Мимо Пашеньку *Шинкова*,
Мимо Сеньку *Кузнецова*,
Алексей тут проезжал,
Да Дарью просвещал
[Соб., 4, № 748]

Таким образом, словарные материалы позволяют не только познакомиться с качественным и количественным составом антропонимов в песнях, записанных в разных регионах России в одно и то же время (XIX в.), но и задуматься над данными показателями. В частности, можно ли считать большое число отчеств специфической приметой курского фольклора?

Если два территориальных списка фольклорно-песенных имен наложить друг на друга, они совпадут в 22 случаях. Отсюда вывод о несомненной территориальной дифференцированности в функционировании антропонимов. Сравнивая списки, можно установить имена, которые использованы в архангельских песнях и отсутствуют в песнях курских: *Гриша* — *Гришка*, *Павлушенька* — *Пашенька*, *Татьяна* — *Таня* — *Танюша* — *Татьянушка*, *Ульяна* — *Ульянушка*, *Фёдор* — *Федька*. Наоборот, встречаются в курских песнях и не фиксируются в текстах архангельских следующие антропонимы: *Акулина* — *Акулинушка*, *Анисья* — *Анисимовна* — *Анисимович*, *Данилушка* — *Даниловна*, *Егор* — *Егорович* — *Егоровна*, *Ермил* — *Ермилушка*, *Игнатий* — *Игнатьюшка*, *Наталья* — *Натальюшка* — *Наташка*, *Софеюшка* — *Софьюшка*, *Степан* — *Степанович*.

Часть антропонимов наличествует как в курских, так и в архангельских песенных текстах. Например, *Авдотья* — *Авдотьюшка*, *Алексей* — *Алексеюшка* — *Алешенька*,

Василий — *Васильюшка*, *Дарья* — *Дарьюшка*. При этом антропонимы, используемые в южных и северных песнях, нередко обнаруживают репертуарную и количественную асимметрию. Сравним списки некоторых антропонимов, которые в песенном фольклоре обладают повышенной вариативностью (см. табл. 2).

Таблица 2

Фольклорные антропонимы в текстах Архангельской и Курской губерний, обладающие особой вариативностью

Архангельская губерния	Курская губерния
<i>Ванька</i> 2 <i>Ванюша</i> 15 <i>Ванюшенька</i> 1 <i>Ванюшка</i> 6 <i>Ваня</i> 17 <i>Иванович</i> 1 <i>Иванушка</i> 8	<i>Ванька</i> 3 <i>Ванюшка</i> 1 <i>Ваня</i> 4 <i>Иван</i> 10 <i>Иванович</i> 9 <i>Ивановна</i> 10 <i>Иванушка</i> 13 <i>Иванюша</i> 4 <i>Иванюшечка</i> 1 <i>Ивашка</i> 2
<i>Катенька</i> 1 <i>Катюша</i> 3 <i>Катюшечка</i> 1 <i>Катя</i> 2	<i>Катерина</i> 3 <i>Катеринушка</i> 2 <i>Катюшечка</i> 1 <i>Катюшка</i> 2
<i>Маша</i> 1 <i>Машенька</i> 8	<i>Марья</i> 1 <i>Марьюшка</i> 8 <i>Марья</i> 8

На первый взгляд, какой-то более или менее очевидной закономерности в выборе имени и его морфемной вариативности нет, хотя количество и разнообразие употребляемых в текстах песен антропонимов не дает повода считать все это некоей случайностью. Возможно, при объяснении данного феномена надо учитывать давно уже замеченное общее свойство русского языка — обилие диминутивов, уменьшительно-ласкательных форм, реальное экспрессивное значение которых описать крайне сложно, поскольку каких-либо общих закономерностей в их употреблении специалисты пока не нашли. Анна Вежицка по этому поводу высказала интересное соображение: «Нам не остается ничего иного, как ввести <...> представление о неопределенном свободно плавающим “хорошем чувстве”, не обязательно направленном на человека или вещь» [Вежицка, 1996, 54].

Диминутивные формы антропонимов являются важным средством поддержания «эмоциональной температуры текста» (выражение тоже принадлежит А. Вежбицкой):

Меня милый дружок кличет,
Василь, Василь, *Васильечек*,
Василь, миленький дружечек

[Соб., 3, № 186]

У окошка постучался,
Ульянушкой взвеличал:
«*Ульянушка*, Ульяна, Ульяна Васильевна!»

[Соб., 4, № 525]

Уж ты, душечка *Катюшечка* моя!

[Соб., 2, № 452]

Ему чала павушка, —
Ажно-ль свет *Ольгушка*,
Ажно-ль Ивановна

[Соб., 4, № 188]

Антропонимы в текстах народной лирики часто служат не для идентификации персонажа, а выступают в качестве специальных «клавиш» эмоционального регистра. Аргументом в пользу этого соображения служат примеры типа «Здравствуй, Саша, здравствуй Маша, / Здравствуй, милая моя!» (Архангельск) [Соб., 3, № 341]. Антропонимы в таком качестве обретают свойства нарицательного имени. В. И. Даль приводит пословицу: «Не у всякого жена Марья, кому Бог даст» [Даль, 1, 533].

Обратим внимание на слова типа *Доня*, *Донюшка*, зафиксированные в курских песнях, которые в равной степени воспринимаются и как антропонимы, и как нарицательные лексемы:

Донюшка 3. Вставай, *Донюшка*, поране...<2,492>; *Доня*, *Донюшка*, *Доня* белая, Скажи, *Донюшка*, про все правду...<4,710> [Бобунова, Хроленко, 2007, 60];

Доня 6. Ой, плохая *Доне* доля! <2,492>; Поздно вечером гуляет, Свою *Доню* пробуждает <2,492>; Из того из города Вышла *Доня* хороша, Авдотьюшка пригожа <4,179>; Куды, *Доня* хороша, Авдотьюшка пригожа? <4,179>; *Доня*, *Донюшка*, *Доня* белая, Скажи, *Донюшка*, про все правду...<4,710> [Бобунова, Хроленко, 2007, 60].

В одном из песенных контекстов имя *Доня* связано с антропонимом *Авдотья*, однако есть и другие этимологии: *дóня*, *дóнька*, *дóнюшка* ум. ‘дочь, доченька, дочушка’ [Даль, 1, 468]; калуж. *дóнюшка* ‘ласковое обращение пожилых женщин к молодым’ [СРНГ, 8, 126].

Полагаем, что привлечение к анализу других конкордансов позволит проследить за многообразием антропонимов в необрядовой лирике, записанной

на разных территориях. Сопоставим списки личных имен на букву А из разных словарей, где зафиксированы не только отмеченные в курских и архангельских песнях антропонимы, но и новые имена или их варианты (см. табл. 3).

Таблица 3

Антропонимы, зафиксированные в необрядовой лирике на разных территориях

Вологда	Олонец	Вятка	Пермь
Алексей 1 Алеша 3 Алешенька 1 Аннушка 6 Анюша 1	Авдотьюшка 1 Авдотья 1 Анисья 2 Анна 1 Аннушка 3 Анюша 3 Аша 1	Авдотьюшка 1 Акулина 2 Александрюшка 1 Андрей 1 Анна 1 Аннушка 1	Аннушка 4 Аннюшенька 4 Антон 1 Анюшечка 2 Арина 2
Казань	Самара	Саратов	Сибирь
Авдотья 1 Аленушка 1 Анюша 1 Анюшенька 5 Анюшенька-раздусенька 1 Арина 2 Аринушка 1	Авдотьюшка 2 Акстюшка 1 Аринушка 2	—	Авдотья 9 Агафон 1 Алеша 2 Алешенька 3 Аннушка 1 Арина 1 Афанас 1

Как видим, расширение материала исследования дает возможность скорректировать предварительные наблюдения и наметить пути дальнейшего исследования.

Кстати, обращение к словарю олонечких песен позволило нам выявить всего семь отчеств: *Васильевич, Васильевна, Григорьевич, Данильевич, Ивановна, Михайлович, Петрович*. А в вологодском конкордансе их только три: *Алексеевна, Васильевна, Михайловна*, хотя словники антропонимов в целом отличаются значительным разнообразием зафиксированных слов и форм: *Викторушка, Груняша, Дунешенюшка, Евлампьюшка, Колюшка, Лимпиада, Сашуха, Устиньюшка* и др.

Итак, словарные материалы наглядно свидетельствуют о том, что антропонимы в текстах русских народных песен XIX в. используются весьма активно. Состав и функционирование антропонимов соответствуют русской народной речевой традиции. Канонические православные имена представлены широким спектром диминутивных, уменьшительно-ласкательных форм, которые служат удобным средством передачи эмоционального опыта.

Словообразовательный потенциал экзотического топонима

В размышлениях о народно-поэтической ономастике обратим внимание на группу экзотизмов былинного лексикона. Речь идет об обозначениях чужеземных реалий, значительную часть которых составляют оттопонимические прилагательные.

Используя лексикографические описания избранных словоформ, извлеченные из нашего словаря былинной лексики [Бобунова, Хроленко, 2006] (о структуре словарной статьи см. [Бобунова, 2004]), отметим генезис, семантику, словообразовательные и функциональные особенности анализируемых лексем.

Одним из весьма частотных примеров такого рода является прилагательное *леванидов*, в олонецких былинах использованное 25 раз:

Леванидов (25) ‘Название чудодейственного креста, также местн. н. в устн. народн. творчестве’. <...> От греч. «из ливанского дерева». Да к тому кресту поехал *Леванидову* (1, № 6, 102) S: дуб 1, книга 2, крест 22 [Бобунова, Хроленко, 2006, 169].

М. Фасмер связывает это слово с топонимом *Ливан* через прилагательное *ливанский* и допускает влияние имени собственного *Леонид* [Фасмер, 2, 472].

Уместно заметить, что указанный топоним первоначально обозначал Ливанский хребет (*Ливан*), славившийся своей экзотической растительностью, среди которой выделялся ливанский кедр, из древесины которого изготавливался особо ценимый среди христиан крест. Сам кедр, как и некоторые другие деревья и кустарники, был источником эфирных масел — сырья для получения ладана (ароматической смолы, употребляемой для курений при религиозных обрядах). Территориально связанным с топонимом *Ливан* является географическое обозначение *Левант*, которое тоже способствовало появлению «темных» слов типа *леванидов*. *Левант* — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря. В узком смысле это Сирия и Ливан. Данный топоним дал нарицательное существительное *левант* в значении ‘восток’ (терск.) [СРНГ, 16, 306]. Та же семантика отмечается в прилагательном *левантский* ‘восточный, привозимый с востока, из Леванта’ [Даль, 2, 242]. В. И. Даль фиксирует существительное *левантин* ‘кипорная шелковая ткань’ [Там же]. В словаре Даля слово *ливан* представлено и как церковнославянское ‘ладан’ [Там же, 251]. Исторический словарь фиксирует у слова *ливан* четыре значения: ‘ладан’, ‘дерево, дающее ладан’, ‘кипарис’ и ‘кедр (?)’ [СлРЯ XI–XVII, 8, 231–232].

Зафиксировано еще четыре определения к существительному *крест*:

Деванделидов (1) Из-под белые березки кудревастенъкие, Из-под чуднаго креста *Деванделидова* Шли туто четыре гнедые туры (3, № 258, 1) +: Лядков (Кенозеро) «Василий Игнатъевич и Батыга» [Бобунова, Хроленко, 2006, 168];

Левантинов (1) Из-под белья березки кудревастенъкия, Да из-под чуднаго креста да *Левантинова*, Выходила тут турица златорогая (2, №116, 1) +: Корнилов (Киж) «Василий Игнатъевич и Батыга» [Бобунова, Хроленко, 2006, 169];

Левинов (1) Собрались три сильных русских три могучих богатыря Ко кресту да ко *Левинову* (2, № 158, 29) +: Касьянов (Кизи) «Михаил Потык» [Бобунова, Хроленко, 2006, 169];

Мендалидов (3) Двор у Чурила на Почаи реки, У чудна креста де *Мендалидова* (3, № 223, 115) S: крест 3 +: Поромской (Кенозеро) «Молодость Чурилы» [Бобунова, Хроленко, 2006, 170].

Есть также вариант эпитета к существительному *дуб*:

Леванидин (1) Сидит Соловей Рахманович, Сидит у реченки у Черныи, У того дуба *Леванидина* (2, № 112, 18) +: Дьяков (Кизи) «Илья Муромец и Соловей разбойник» [Бобунова, Хроленко, 2006, 169].

Хотя все определения фонетически и структурно различаются, семантически и функционально они тождественны. Думается, что именно для таких случаев известный фольклорист К. В. Чистов ввел понятие «вибрация текста». В наших же примерах налицо «вибрация слова», в результате которой появляются некие смысловые эквиваленты, объединенные обобщенной семантикой и художественной функцией.

Своеобразным эталоном ценности в былинном тексте служит понятие «шелк», вербализованное соответствующим существительным, определяемым рядом прилагательных явно оттопонимического образования. Это *шаматинский, шамахинский, шанский, шахтанский, шемаханский, шемахинский, шемуханский, шолтанский*. Все эти слова восходят к имени азербайджанского города Шемаха, возникшего в V–IV вв. до н. э. Название столицы Ширвана (IX–XVI вв.), центра Шемахинского ханства, исконного центра ковроткачества, стало основанием для целого ряда былинных определений заморского шелка и изделий из него:

Шаматинский (1) А й того ль кладьте шолку *Шаматиньскаго* (3, № 213, 44) +: Федулов (Водлозеро) «Дюк» [Бобунова, Хроленко, 2006, 174];

Шамахинский (4) «*Шемахинская плетка* ‘шелковая плетка’, часто в былинах о Добрыне Никитиче <...> Производное от названия города Шемаха, в Азербайджане» [Фасмер, 4, 427]. Выдернул же плётку *шамахинскую* А семи шелков да *шамахинских* (1, № 5, 470) S: плётка 3, шёлк 1 +: Калинин (Повенец) «Добрыня Никитич» [Бобунова, Хроленко, 2006, 174];

Шанский (4) И во уздицах повода были шелковыи, Ведь разных шолков шолков *шанских* (2, № 128, 41) S: шёлк 4 +: Щеголенок (Кизи) [Бобунова, Хроленко, 2006, 174];

Шахтанский (1) Не просты были подпруги, семи шелков, Не простого-то шолку, *шахтанскаго* (1, № 64, 32) +: Антонов (Пудога) «Добрыня и змей» [Бобунова, Хроленко, 2006, 174];

Шемаханский (14) Он подтягиват подпруги шелковыи, А семи шелков да *шемаханских* (2, № 115, 68) S: шёлк 14 [Бобунова, Хроленко, 2006, 174];

Шемахинский (2) А не нашего шолку, *шемахинскаго* (3, № 206, 70) S: шёлк 2 [Бобунова, Хроленко, 2006, 174];

Шемуханский (1) Двенадцать попружков подтягивал Шелку да *шемуханскаго* (2, № 145, 47) +: Дутиков (Киж) «Добрыня и Алеша» [Бобунова, Хроленко, 2006, 175];

Шолпанский (1) А и подпруги шолку заморскаго, А й заморскаго шолку *шолпанскаго* (1, № 59, 443) +: Фепонов (Пудога) «Добрыня и змей» [Бобунова, Хроленко, 2006, 175].

Очевидно, к рассматриваемому ряду прилагательных относится и слово *маханский*, описанное в [СРНГ, 18, 45].

Маханский (2) См. *муханский* ‘фольк. шемаханский’. *Шелка муханские*. Былины Севера. Астахова [СРНГ, 19, 36]. Ай как подпруги у его седельшка да шелковыи, Ай как того шелку ли китайскаго, Да славнаго того *маханскаго* <...> Ай *маханский* шолк да не сорвется (3, № 216, 29) +: Панов (Водлозеро) «Илья Муромец». **Маханский**. В загадке: Крылья махански, Листки чеботански, Когти дявольски (Репейник). Ставроп. [Бобунова, Хроленко, 2006, 170].

Свидетельством того, что сказитель, подбирающий эпитеты к существительному *шелк*, имеет в виду высокую степень оценки, служат те случаи, когда исполнитель предпринимает попытку найти наиболее точное и понятное слушателям слово. Так, Т. Иевлев (Киж), начиная сказ былины «Калика-богатырь», пропел строки:

На ногах лапотики-то у него семи шелков.
Не простых шелков да *самошинских*

[Гильф., 2, № 101]

Семь шелков исполнителем охарактеризованы как *самошинские*. В псковских говорах отмечено слово *самошный* ‘самый лучший’, это же слово зафиксировано и на Среднем Урале [СРНГ, 36, 112].

Фонетическая и структурная внесистемность народно-поэтических речевых образований — самый короткий путь к появлению так называемых «темных слов». В олонецких былинах упоминаются *бусарское войско* и *бухардов король*:

Бусарский (1) Молодой Илья да сын Иванович Он прибил же тое войско всё *бусарское (так)*, Всих татар да всех поганных (1, № 3, 23) +: Калинин (Повенец) «Илья Муромец и Соловей разбойник» [Бобунова, Хроленко, 2006, 167];

Бухардов (1) [Знач.?] Посылает меня князь Владимир стольнѣ-киевской Съездить-то за море мне есть за Киево Ко тому-то королю да ко *Бухардову* (1, № 33, 48) +: Гришин (Толвуй) «Добрыня и Алеша» [Бобунова, Хроленко, 2006, 167].

Можно предположить, что поводом к появлению обоих речевых образований послужил восточный топоним *Бухара* (?). Не исключена также этимологическая цепочка: *мусульманский* — *басурманский* — *бусарский*.

Все рассмотренные нами эпитеты образованы от восточных топонимов. Однако в русской фольклорной речи наличествуют определения, мотивированные топонимами, представляющими Запад, например *Литва*. Топоним *Литва* и собирательное нарицательное существительное *литва́* в значении ‘народ, народность; местное нерусское население’ [СРНГ, 17, 71] достаточно полно исследованы и описаны в лингвофольклористических и диалектологических публикациях. Обратим внимание только на некоторые былинные определения короля соседней Литвы:

Литомский (2) [Литовский?] Отправлялся наш старый казак Илья Муромец
Ко тому ли-то ко королю *Литомскому* (1, № 22, 88) S: король 2 +: Корсаков (Повенец)
«Илья Муромец и идолище» [Бобунова, Хроленко, 2006, 170];

Литский (1) Как далече далече под сточной стороной, У того ли короля храбра
Литскаго (так), А как есть у него да две дочери (2, № 102, 41) +: Иевлев (Кижь)
«Дунай». У него же в этом тексте *храбро-литский* [Бобунова, Хроленко, 2006, 170].

Как видим, оба определения характеризуют исключительно правителя соседнего государства.

Прибалтика в русском эпосе припоминается в форме *лимонский*:

Лимоньский (4) А поезжайте-тко во землю во *Лимоньскую*, А й как та земля
есть пребогатеюща (1, № 71, 79) S: земля 4 +: Сорокин (Пудога) «Наезд литовцев»
[Бобунова, Хроленко, 2006, 169].

Сказитель в одном и том же тексте четырежды использовал эпитетосочетание *Лимоньская земля*. М. Фасмер в словарной статье «*Ливония*» замечает: «Нар. *Лимонская земля* (под влиянием слова *лимон*)» [Фасмер, 2, 494], т. е. *лимонский* — это искаженное прилагательное *ливонский*.

К европейскому источнику восходит весьма популярное в русской крестьянской речи и фольклоре определение *тальянский*:

Тальянский (16) А еще дам я тебе *тальянской* плат (1, № 65, 329) S: земля 11,
король 1, платок 4 [Бобунова, Хроленко, 2006, 172].

Т. Г. Рябинин (Кижь) в былине «Илья Муромец и дочь его» приводит диалог. На вопрос богатыря «Ты коёй земли да ты коёй Литвы?» следует ответ: «Есть я родом из земли да из Тальянскою». А. Ф. Гильфердинг замечает: «Певец сперва говорил: “во Глянскою” (или “во Оглянскою”), а потом поправлялся: “во Тальянскою”» [Гильф., 2, 49]. Вот пример «вибрации слова» в реальном исполнении.

Топоним *Италия* в русских фольклорных текстах нам ни разу не встретился, а прилагательное *тальянский* и существительное *тальянка* в русской народной речевой практике не редки. В [СРНГ, 43, 254] сообщается, что *тальянка* — это ‘гармоника’, ‘окно’, ‘веранда’, ‘печь’, ‘игра’. Наиболее частотно эпитетосочетание *тальянский плат (платок)*. В вологодской песне встретился и *тальянский бережок*.

К «темным» словам отнесем формы *веряжский* и *верайский*:

Веряжский (2) [Знач.?] Ай же вы дружѣ братьѣ хороброе, Садитесь-ко на на́сады черленые, Поедьте по славному *веряжскому!* И поехали по славному по *веряжскому* (1, № 44, 143) **S:** <море> **2 А:** славный **2 +:** Антонов (Толвуи) «Василий Буслаевич» [Бобунова, Хроленко, 2006, 167];

Веряйский (1) [Знач.?] По морю морю морю синему, По тому по морю по *Веряйскому*, По тому по морю по Дунайскому <...> Бежит побегит тридцать кораблей (3, № 208, 1) **+**: Суханов (Водлозеро) «Соловей Будимирович» [Бобунова, Хроленко, 2006, 168].

Диалектологи зафиксировали слово *варяж* в значениях ‘иноземец, иноземка’ и ‘заморский край, заморская сторона’ (арх., помор.) [СРНГ, 4, 64]. Вполне допустимо наличие прилагательных, образованных от виртуальных топонимов, существующих исключительно в фольклорной картине мира. *Веряжское* или *Веряйское море* для носителей фольклора столь же реальны, как *Дунайское море* или *Киево море*.

В рассмотренных нами случаях словообразование идет по схеме «топоним → оттопонимическое образование». Однако есть случаи противоположного движения: «прилагательное → существительное». Частотное прилагательное *сорочинский* приводит к появлению существительного *сорочина*:

Сорочинский (88) От *сарацин* ‘араб, мусульманин’ [Фасмер, 3, 561]. *Сорочинская* суконца приразостланы (2, № 152, 388) =: сорчинская 1, сорочишка 1 **S:** гора 39, горы долы 1, гуня 9, дорога 3, дуб 2, земля 17, клюха 1, одежда 2, сукно 3, узды повода 8, шляпа 3 [Бобунова, Хроленко, 2006, 172];

Сорочина (2) [Знач.?] Из славнаго города из Галича, Из Волынь земли богатые, Да из той Карелы из упрямые, Да из той *Сарачины* из широки, Из той Индеи богатые, Не ясён сокол там пролѣтывал (3, № 225, 1) **+**: Поромской (Кенозеро) «Дюк» [Бобунова, Хроленко, 2006, 172].

Как видим, рассмотренное подмножество оттопонимических образований в былинных текстах сравнительно невелико (25 единиц в 94 словоупотреблениях), однако оно предоставляет возможность поразмышлять над несколькими взаимосвязанными вопросами, среди которых семантическое своеобразие фольклорного слова, феномен «вибрации» слова в практике словообразования, генезис «темных» слов, художественная функция оттопонимических образований, их диалектный и идиолектный аспекты, эвристические возможности фольклорной лексикографии и др.

Итоговые размышления

Мир слова неисчерпаем, и постоянно находятся точки притяжения серьезных исследовательских усилий. Этому способствует обнаружение менее изученных

областей дискурса, в частности художественного, а также разработка продуктивного исследовательского инструментария. Авторы статьи стремятся показать, какую информацию можно получить, если практику фольклорной лексикографии применить к вопросам языка народной культуры.

Наш опыт говорит, что фольклорная лексикография перспективна в исследовании проблем народно-поэтических текстов. Во-первых, с помощью конкордансов можно осуществить монографическое описание отдельного фольклорного слова, в частности онима, что в статье показано на примере топонима *Дунай*. Развернутый «портрет» слова, дающий целостное представление об истории этого географического названия, его семантике и функции в народном творчестве, накоплении культурных смыслов, способствует решению вопроса о природе аккумулирующего свойства языка. Во-вторых, конкордансы результативны в описании тематических групп фольклорных лексем, например антропонимов, которые рассмотрены нами в территориальном и гендерном аспектах. В-третьих, словарь фольклорной лексики позволяет выявить гапаксы, единичные слова из разряда экзотизмов, заимствованных топонимов, послуживших материалом для образования так называемых темных слов, установить их генезис, причины и пути заимствования, функции, а также обнаружить их словообразовательный потенциал.

Мы полагаем, что благодаря фольклорной лексикографии увеличиваются эвристические возможности лингвофольклористического подхода к решению проблем фольклорной семантики, морфемики, жанровой и территориальной дифференцированности народно-поэтического языка в целом и ономастики в частности.

Источники

- Бобунова М. А., Хроленко А. Т.* Словарь языка русского фольклора. Лексика былины. Ч. 2 : Мир человека. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006.
- Бобунова М. А., Хроленко А. Т.* Конкорданс русской народной песни. Песни Курской губернии. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007.
- Бобунова М. А., Хроленко А. Т.* Конкорданс русской народной песни. Песни Архангельской губернии. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008.
- Бобунова М. А., Хроленко А. Т.* Конкорданс русской народной песни. Песни Олонецкой губернии. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009.
- Бобунова М. А., Хроленко А. Т.* Конкорданс русской народной песни. Песни Сибири. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010.
- Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. : в 3 т. 2-е изд. СПб. : Тип. Акад. наук, 1894–1900.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1978–1980.
- Курск, 1962 — Курские народные песни / сост. П. Бульбанюк, П. Лебедев. Курск : Кн. изд-во, 1962.
- Литус Е. В.* Фольклорное слово Кубани: конкорданс народных песен линейных казаков Кубани. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007.

- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII веков / ред. С. Г. Бархударов и др. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.
- Соб. — Великорусские народные песни : в 7 т. / изд. А. И. Соболевским. СПб. : Гос. тип., 1895–1902.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Исследования

- Бобунова М. А.* Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы : дис. ... д-ра филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2004.
- Бобунова М. А.* Конкорданс XXI в.: новая старая форма // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 41–54.
- Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1 : Русская народная поэзия. СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1861.
- Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996.
- Головина Р. В.* Антропонимы в русской народной лирической песне : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2001.
- Доровских Л. В.* Из наблюдений над наименованием героев в русской народной сказке // Вопросы ономастики. Вып. 14 : Собственные имена в системе языка / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1980. С. 86–98.
- Казакова И. О.* Топонимия сербского и хорватского поэтического фольклора : дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2002.
- Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1967.
- Ларин Б. А.* Основные принципы «Словаря автобиографической трилогии М. Горького» // Словоупотребление и стиль М. Горького / ред. Д. М. Поцепня. Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. С. 3–11.
- Мачинский Д. А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской мифологии и истории // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора / отв. ред. К. В. Чистов, Т. А. Бернштам. Л. : Наука, 1981. С. 119–171.
- Митропольская Н. К.* Поэтика имен в былинах // *Literatura*. Ученые записки высших учебных заведений Лит. ССР. Русская литература. 1964. Т. 15 (2). С. 7–24.
- Морозова М. Н.* Антропонимия русских народных сказок // Фольклор. Поэтическая система / отв. ред. А. И. Баландин, В. М. Гацак. М. : Наука, 1977. С. 231–241.
- Петрухин В. Я.* Дунай // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М. : Международные отношения, 1999. С. 145–147.
- Тереценко А. В.* Структурные модели фольклорных и исторических антропонимов: на материале русских народных сказок и архивных документов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Вып. 7 (172). С. 101–106.
- Токмашев Д. М.* Теоретические проблемы фольклорной ономастики (на материале шорского фольклора) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 9. С. 179–184.
- Хроленко А. Т.* Из наблюдений над природой имен собственных в фольклорном тексте // Лексика русского языка и ее изучение: 60-летию проф. В. Д. Бондалетова посвящается / ред. Г. А. Силаева. Рязань : [б. и.], 1988. С. 53–60.
- Хроленко А. Т.* Введение в филологию : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2015.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1986–1987.

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские	помор.	поморские
влг.	вологодские	пск.	псковские
вят.	вятские	ростов.	ростовские
калуж.	калужские	ряз.	рязанские
курс.	курские	терск.	терские
новг.	новгородские	череп.	череповецкие
перм.	пермские	яросл.	ярославские
печор.	печорские		

* * *

Бобунова Мария Александровна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
Курский государственный университет
305000, Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: bobunova61@mail.ru

Bobunova, Maria Alexandrovna

DrHab, Professor, Department of the Russian
Language
Kursk State University
33 Radischeva St., 305000 Kursk, Russia
Email: bobunova61@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5809-1548>

Хроленко Александр Тимофеевич

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
Курский государственный университет
305000, Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: alexanderhrolenko@yandex.ru

Khrolenko, Alexander Timopheevich

DrHab, Professor, Department of the Russian
Language
Kursk State University
33 Radischeva St., 305000 Kursk, Russia
Email: alexanderhrolenko@yandex.ru

Maria A. Bobunova
Alexander T. Khrolenko

Kursk State University
Kursk, Russia

**PROPER NAMES IN ORAL POETIC TRADITION
IN THE LIGHT OF FOLKLORE LEXICOGRAPHY**

The paper uses three cases of folklore lexicography to substantiate its applicability and the methodological capacity it holds in the study of onomastic elements of different folklore genres. It is this original lexicographic approach that gives a new perspective and brings new results to the solution of some recurrent problems connected with the poetic language of folklore. The research builds on the lexicographic projects by Kursk linguists, focused on folklore studies: a dictionary of the language of bylinas and the concordances of Russian non-ritual lyric songs. The present study employs the overlay technique for comparing dictionary entries and gives three

cases of its application. The first compares lexicographic descriptions of the *Dunai* (Danube) river name as one of the key images of Russian folklore, and how it is used in non-ritual lyric songs of the 19th century. This has allowed the authors to identify semantic differences in the river name across the regions. The second case illustrates that, lexicographically, the body of folklore proper names has a capacity to verbalize the emotional experience of the ethnic group that has both regional and gender-based specificity. The third case considers the meaning, usage, and derivational potential of exotic place names. Based on bylinas texts, the authors illustrate transformations of borrowed words in the vocabulary of Russian folk-tale narrators. On the general scale, embracing a lexicographic approach to the study of folklore vocabulary can solve a number of long-standing issues related to semantics, word-formation, generic and territorial features of the national poetic language. Apart from that, the authors conclude that folklore lexicography can open new interesting areas of onomastic research and gives a tool to explore them.

К е y w o r d s: folklore language, linguistic methods in folklore studies, folklore lexicography, concordance, onomastics, place names, anthroponymy.

- Bobunova, M. A. (2004). *Fol'klornaia leksikografiia: stanovlenie, teoreticheskie osnovaniia, prakticheskie rezul'taty i perspektivy* [Folklore Lexicography: Formation, Theoretical Foundations, Practical Outcomes and Prospects] (Doctoral dissertation). Orel State University, Orel.
- Bobunova, M. A. (2016). Konkordans XXI v.: novaia staraia forma [Concordance of the 21th Century: A New Old Form]. *Voprosy leksikografii*, 2 (10), 41–54.
- Buslaev, F. I. (1861). *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva* [Historical Sketches of Russian Folk Literature and Art] (Vol. 1). St Petersburg: Izd. D. E. Kozhanchikova.
- Dorovskikh, L. V. (1980). Iz nabliudeniia nad naimenovaniem geroev v russkoi narodnoi skazke [Some Observations on Character Names in a Russian Folk Tale]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Voprosy onomastiki. Vyp. 14: Sobstvennye imena v sisteme yazyka* [Problems of Onomastics. Issue 14: Proper Names in the Language System] (pp. 86–98). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Golovina, R. V. (2001). Antroponimy v russkoi narodnoi liricheskoi pesne [Anthroponyms in Russian Folk Lyric Song] (Doctoral dissertation). Orel State University, Orel.
- Kazakova, I. O. (2002). *Toponimiia serbskogo i khorvatskogo poeticheskogo fol'klora* [Toponymy of Serbian and Croatian Poetic Folklore] (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Khrolenko, A. T. (1988). Iz nabliudeniia nad prirodou imen sobstvennykh v fol'klornom tekste [Some Observations of the Nature of Proper Names in Folklore Text]. In G. A. Silaeva (Ed.), *Leksika russkogo yazyka i ee izuchenie: 60-letiiu prof. V. D. Bondaletova posviashchaetsia* [Vocabulary of the Russian Language and its Study: On the 60th Anniversary of prof. V. D. Bondaletov] (pp. 53–60). Ryazan: [s.n.].
- Khrolenko, A. T. (2015). *Vvedenie v filologiiu: ucheb. posobie* [Introduction to Philology: A Textbook]. Moscow: Flinta; Nauka.
- Kondratyeva, T. N. (1967). *Sobstvennye imena v russkom epose* [Proper Names in the Russian Epic]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta.
- Larin, B. A. (1962). Osnovnye printsipy “Slovaria avtobiograficheskoi trilogii M. Gor'kogo” [The Basic Principles of the ‘Dictionary of M. Gorky’s Autobiographical Trilogy’]. In D. M. Potsepnia (Ed.), *Slovopotreblenie i stil' M. Gor'kogo* [M. Gorky’s Word Usage and Style] (pp. 3–11). Leningrad: Izd-vo LGU.
- Machinsky, D. A. (1981). “Dunai” russkogo fol'klora na fone vostochnoslavianskoi mifologii i istorii [“Dunai” of Russian Folklore against the Background of East Slavic Mythology and History]. In K. V. Chistov, & T. A. Bernshtam (Eds.), *Russkii Sever. Problemy etnografii i fol'klora* [Russian North. Ethnography and Folklore Problems] (pp. 119–171). Leningrad: Nauka.

- Mitropol'skaia, N. K. (1964). Poetika imen v bylinakh [Poetics of Names in Bylinas]. *Literatura. Uchenye zapiski vysshikh uchebnykh zavedenii Lit. SSR. Russkaia literatura*, 15(2), 7–24.
- Morozova, M. N. (1977). Antroponimiia russkikh narodnykh skazok [Anthroponymy of Russian Folk Tales]. In A. I. Balandin, & V. M. Gatsak (Eds.), *Fol'klor. Poeticheskaia sistema* [Folklore. Poetic System] (pp. 231–241). Moscow: Nauka.
- Petrukhin, V. Ya. (1999). Dunai [Danube]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 2, pp. 145–147). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Tereshchenko, A. V. (2016). Strukturnye modeli fol'klornykh i istoricheskikh antroponimov: na materiale russkikh narodnykh skazok i arkhivnykh dokumentov [Structural Patterns of Folklore and Historical Personal Names: Based on Russian Folk Tales and Archival Documents]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 7(172), 101–106.
- Tokmashev, D. M. (2011). Teoreticheskie problemy fol'klornoj onomastiki (na materiale shorskogo fol'klora) [Theoretical Problems of Folklore Oomastics (Based on Shor Folklore)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 9, 179–184.
- Vasmer, M. (1986–1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Wierzbicka, A. (1996). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari.

Received on 10 February 2019